

Юго-западный письменно-литературный узус позднего
средневековья в метаязыковых оценках современников

Dubinin S.

Der südwestliche schriftsprachliche Usus des Spätmittelalters
in den metasprachlichen Äußerungen der Zeitgenossen

Im Aufsatz werden relevante Äußerungen von Zeitgenossen (Vertreter der Schriftgemeinschaft der Gebildeten) über die Merkmale der südwestlichen Territorialvariante der deutschen Schriftsprache im 15-16. Jht. analysiert und es wird ihre allgemeine Stratifikation / Validität bestimmt.

Раскрытие причин прерывистости и замедления процесса постепенного закрепления региональной основы общенемецкого литературного языка, исследование гетерогенности его основы по исходным территориальным компонентам требуют применения новых подходов, в частности, регионального, в рамках современной плюрицентрической концепции генезиса. На раннем этапе становления (XV - XVI вв.) литературный идиом был представлен в письменно-литературной форме, существуя, по мнению сторонников полицентрической модели, акцентировавших широту наддиалектной базы общенемецкого литературного языка, в виде территориальных разновидностей – вариантов (далее ТВЛЯ). Общенемецкий литературный язык является в своей основе альянсом восточно-средне немецкого и юго-восточного компонентов при участии почти всех значительных языковых ландшафтов.

Несмотря на признание плюрицентрической концепции, германисты чаще разрабатывают “телеологическую схему”: утверждение литературного варианта восточно-средне немецкого типа. Одним из уникальных языковых и культурно-исторических ареалов периода формирования общенемецкого литературного языка был юго-запад. В XIV - XV вв. этот лингвоареал (швабско-алеманский) занимал примерно восьмую часть области распространения немецкого языка, разделяясь на основные швабский, алеманский (швейцарский) и эльзасский субареалы.

* С.И. Дубинин, Самарский государственный университет

© Дубинин С.И., 2003

Однако признаки местного ТВЛЯ остаются по настоящее время мало исследованными, оцениваясь как периферийные, что не совсем оправдано [1. С.5-11].

Для объективации признаков регионального письменно-литературного узуса юго-запада особое значение имеет характер их фиксации рвнв. лингвистическими источниками (т.н. sprachbezogene Quellen), в частности, в рукописных/печатных “квазинормативных” текстах: учебных пособиях, грамматиках, письмовниках, риториках и т.п., и их оценка современниками, представителями наиболее коммуникативно значимой в данной сфере группы - „Schriftgemeinschaft der Gebildeten“. Хотя метаязыковые высказывания и стереотипы (Sprachwertstrukturen) исторически разнородны, лабильны и субъективны, они особенно актуальны при объективации трудно экстраполируемых на основе рвнв. графики единиц фонетического уровня, а также при определении их престижности [2. S.16]. Впервые развернутое рассмотрение метаязыковых оценок узуса юго-западного ТВЛЯ отмечается в работах А.Социна, Ф.Клуге и Г.Трюмпи, подчеркивавших их значительную достоверность [3; 11; 10].

Д.Йостен выделяет для конца XV и первой половины XVI вв. в качестве релевантных следующие типы оценки “языковых приоритетов”: 1) территориальный критерий (Sprachvorbild als Behauptung einer sprachlandschaftlichen Priorität), 2) авторитет “языковой личности, лучших авторов/писателей” (personales Autoritätsprinzip und Mustergültigkeit einzelner Schriftsteller), 3) социальный авторитет источника (Bücher, Drucke und „beste Autoren“), 4) институциональный авторитет (учреждения, организации и т.п.) и 5) образцовость лингвистических признаков (sprachimmanente Argumentation) [4. S.11-12]. Для юго-запада, по его мнению, как и в целом в позднесредневековой Германии, преобладающим является первый тип оценки, а все остальные имели вторичное значение. В качестве “авторитета учреждения” однозначным было первенство “языков канцелярий”, в первую очередь, имперской, а “имманентные языковые аргументации” проецировались исключительно в сферу орфографии. При этом основным типом источников таких оценок являлись примечания к художественным текстам, переводам и переизданиям, а также публицистика, уставы, хроники (т.е. direkt nicht sprachbezogene Quellen) [4. S.19, 216].

И.Райфенштайн также отмечает увеличение, начиная с XVI века, общего числа метаязыковых высказываний о региональных

письменно-языковых формах [5. S.1727]. В то же время эти оценки нельзя отрывать от общего контекста высказываний в защиту родного языка, роста его престижности в письменной сфере в противовес засилью латыни, определенного “раннего пуризма”, где выделяются, как это ни парадоксально, и голоса некоторых гуманистов юго-запада XVI века И.Рейхлина, Э.Чуди, С.Франка, В.Больца, пропагандировавших латинское наследие, а также печатника Б.Йобина.

Языковая рефлексия родного идиома в конце XV – XVI веков отмечена весомым регионально-специфическим компонентом в сравнительном или контрастивном планах: 1) родной → неродной говор/язык, 2) региональный → инорегиональный письменный язык [6. S.179, 190]. Исследователи определяют, что на юго-западе, лидирующем в XVI веке в немецкоязычных землях по числу метаязыковых данных, устанавливается шкала преобладающей положительной языковой оценки регионально-языковых образцов: Hochdeutsch (indifferent): + 9, Alemannisch: + 7, Meißnisch: + 4, Schwäbisch: + 4/-2, Augsburgerisch: + 2, Fränkisch: + 1 (цифры указывают число зафиксированных в местных источниках высказываний, курсивом отмечены идиомы, непосредственно относящиеся к юго-западному ареалу) [4. S.69].

Р.Меллер предполагает, что обилие метаязыковых высказываний с положительной оценкой региональных форм являлось вероятной “защитной реакцией” (Verteidigungshaltung), в частности, на юго-западе, против начинающейся экспансии общенемецкого “предстандарта” [7. S.18]. В спектре общих положительных оценок “алеманского” как *равноправного* другим территориальным идиомам отмечается их принадлежность исключительно автохтонным источникам до 1600 года, отстаивающим провинциализм своего языка. В XV веке здесь фиксируются только два источника: высказывания Н.фон Виле в “Переводах” (1470-е гг.) и замечания фрейбургского первопечатника и автора “Зеркала истинной риторики” Фр.Ридера (1493 г.).

Для первой половины XVI века в хронологической последовательности релевантны следующие высказывания, относящиеся к швейцарскому субареалу: лидера цвинглианцев Л.Юда (1521 г., „Teutsche Paraphrases“, Цюрих) о „gemeine lantliche Tutsch“, базельского печатника А.Петри (глоссарий к переизданию Нового Завета Лютера, 1523 г.) о “unser Hochdeutsch“, базельского

учителя И.Кольроса (пособие 1530 г.) о “*unser Hoch-tutscher sprach*“, цюрихского печатника К.Фрошауэра (издание т.н. Цюрихской цвинглианской библии, 1531 г.) о „*vnser oberlandisch teütsch*“, автора “Риторики и немецкого формулярия” А.Хугена (предисловие к базельскому изданию, 1537 г.) о „*guot gemeiner laendlicher sprach*“ и швейцарского историографа Э.Чуди (“Реция”, Базель, 1538 г.) о “*Helvetier tutsch*“. К ним примыкают констатации цюрихского лексикографа И.Фриза в предисловии к латинско-немецкому словарю (1541 г.): “*Sed etia’ lingua in Germania superiori usu maxime recepta, et Helvetiis simul ac Germanis communissima: ita ut neutrius gentis idiomati, quando communis liber futurus esset, minium addicti videremur.*”²

Характерно, что эльзасские источники не выделяются особыми видами оценки или обозначением своего субрегионального идиома. Это высказывания анонима в страсбургском переиздании перевода Теренция (1499 г.) о “*besunder tutsch*“, страсбургского печатника И.Кноблоха (предисловие к переизданию библии Лютера, 1524 г.) о “*unser teutsch*“ и его коллеги печатника В.Рихеля (переиздание библии Лютера, 1535 г., Страсбург) о “*unser hochdeutsch*“ [4. S.72-76]. Впрочем, обозначение “*elsasser sproch*“ фиксируется в конце 14 века в переписке базельского духовенства, но уже Я.Вимпфелинг пишет в “Германии” (1501 г.) о территориально-языковом единстве швейцарцев и эльзасцев (*helvetia, id est Elsatia*).

Положительная оценка “швабского” и “аугсбургского” как региональных идиомов тоже имела свои особенности. Они наименее определены, более редки, также принадлежат автохтонным авторам/источникам и часто коррелируют с оценкой „*Gemeines Deutsch*“ (т.е. юго-восточного ТВЛЯ). Д.Йостен выделяет в качестве релевантных оценок следующие: аугсбургского печатника Г.Отмара о „*unser teutsch*“ и “*guot verstentlich Augsburger sprach*“ как лучшим “языке печатников”(?) (переиздание проповедей И.Таулера, 1508 г.), составителя латинско-немецкого вокабулярии и пособий гуманиста И.Альтенштайга (1510-е гг.) о престижности “швабского” (*linguam et Suebi dicimur*), Г.Кайзербергского о необходимости “*schwabisch reden*“ для всякого приезжего (Евангелия, 1515 г.), И.Паули о “*vornem schwabische*

² Примечательно наличие оценочного высказывания А.Хугена в швейцарском переиздании, но его отсутствие в швабских оттисках 1520-40-х гг. И.Фриз также дистанцируется в дальнейших изданиях второй половины XVI в. от признания швейцарского узуса приоритетным при составлении своего словаря.

Sprache“ (сборник шванков „В шутку и всерьез“, 1519 г.). Примечательно, однако, появление и негативных оценок “швабского”. Например, в пособии И.Мейхснера (Тюбинген, 1537 г.) он характеризуется как “unreyn vnd etwas missbruch“ [4. S.68-69, 99].

В субстанциональном плане все эти метаязыковые оценки, в первую очередь, маркируют, если это имело место, фонетико-орфографические особенности, являясь по своему характеру констатациями, но, не различая часто устные/письменные формы языка. Это неразличение базируется на устойчивом до эпохи начала формирования общенемецкого литературного идиома отождествлении стратификационного статуса форм существования языка в оппозиции “региолекты (диалекты) → национальный (стандартный) язык”, обозначаемых современниками единым понятием “unsere Landsprache(n)” [8. S.35]. Так, например, Н.фон Виле употребляет как парное сочетание “sprauchen und gezungen“, а Фр.Ридер „sprach..., die man gemeinlich in einer gegny spricht“.

В конкретной характеристике признаков узуса юго-западного ТВЛЯ первенство принадлежит *швейцарским* гуманистам и просветителям (первые лингвистические трактаты по германистике, пособия по риторике, публицистика)³. В.Хаас считает “региональную доминанту” в метаязыковых констатациях швейцарцев неслучайной, как и появление на рубеже XVI века понятия “eidgenossische spraach”. Языковое сознание конфедератов отмечено отчуждением от “языка империи” по политическим причинам, но: “...realisiert sich aber nicht durch aktive Sprachgestaltung, sondern durch die Weigerung, gewisse reichsdeutsche Entwicklungen mitzumachen” [9. S.133]. На метаязыковые оценки швейцарцев накладывал также отпечаток и внутривнутриполитический фактор - появление романского населения в составе конфедерации и потребность в лингво-политическом самоутверждении и лидерстве немецкоязычного большинства в своеобразном качестве носителей “eidgenossische spraach”.

Некоторые швейцарские реформаторы-радикалы активно оперировали понятием “язык конфедератов”. Оно впервые датируется 1523 годом в цюрихской листовке, посвященной диспуту

³ Из немногих свидетельств представителей других субареалов/центров юго-запада отметим высказывание влиятельного Ф.Фабри из Ульма („Descriptio Sueviae“, 1488 г.) о рефлексгах полногласия безударных слогов в языке швейцарцев [10. S.15].

У.Цвингли с констанцскими католиками: „Redstu uff des Zuinglins predge, die er von vnser frowen gethon hat, so gebrist dir, das du nüt Eydgnoossische sprach kannst.“ Понятие „der Helvetier tutsch“ употребляет в своих трактатах Э.Чуди („Rhaetia“, 1538 г.) и некоторые швейцарские литераторы-реформаты (также: *lingua helvetica*, *Helvetisch*, *schwyzerisch*, *unsere eydgenossische Landsprach*) [10. S.15, 23-24]. Но, как констатировал Фр.Клуге, языковой сепаратизм швейцарцев не приобрел экспансивного характера: „...die Schweiz [konnte sich] in einen Kampf um die sprachliche Fuhrerschaft überhaupt nicht einlassen“ [11. S.89]. В этой связи сомнительно звучит утверждение А.Социна, что Цвингли ставил своей целью утверждение на юго-западе „gemeinschweizerische Schriftsprache“ [3. S.226].

По мнению Г.Трюмпи, понятие “язык конфедератов” было уже в 1520-е гг. маркировано скорее конфессионально, и реально имело отношение к узусу Цюриха как центра цвинглианства [10. S.15]. До конца XVI века оно устойчиво употребляется в сочинениях швейцарских публицистов, литераторов и просветителей, реже у печатников, но не только у протестантов (католики Т.Цвингер и У.Кампелль в Базеле, Р.Цизат в Люцерне и др.), в разных модификациях, идеологических и прагматических контекстах: *Der Helvetier tutsch*, *Schwyzerisch*, *unsere eydgenossische Landsprach*, *lingua/dialectus Helvetica*, *oberländische Sprache*. Соратник Цвингли Л.Юд, называя свой язык „landliches Tutsch“ (публикации 1520-х гг.), нередко уже имеет в виду не региональный идиом как таковой, а “простой, ясный язык” как стиль изложения (*stilus artus*) [4. S.73-74].

С.Зондерэггер классифицирует все “языковые рефлексy” о языке юго-запада с точки зрения их субстанциональности по трем группам: 1) регистрирующие языковые особенности (*bloßes Registrieren*), 2) дифференцирующие (*Feststellen von Differenzen*, особенно для Швейцарии) и 3) историзирующие (*historisches Sprachverständnis*) языковые различия [12. S.20-22]. К первой группе относятся высказывания упомянутого Никласа фон Виле, швейцарца по происхождению, в его известных „Translationen“ (особенно гл.18) о языке вюртембергской графской канцелярии Ульриха V, с которой он был связан с 1470-х гг., и о письменной традиции Швабии в целом. Он отмечает узкий дифтонг /ei/ и соответствующий диграф <ei> как черту швейцарской письменной традиции в отличие от /ai/ и <ai> в швабско-вюртембергской („*unser gezüng*”), где также представлен переход /ü/ > /u/ и глагольные формы *gan/stan*. Как “рейнскую” (*rinisch*) он определяет форму глагола

“идти” *geet*, а как местные - *gaut/staut* (со швабской дифтонгизацией) [F.L. – S.50-51].

Имея большой опыт канцелярской (в Швейцарии, Нюрнберге, затем в Эслингене и Штутгарте), преподавательской и литературно-переводческой деятельности, фон Виле констатирует значительную интерферированность письменно-языкового узуса юго-запада, оценивая это негативно (“*ain nuwes gougelspiel*”). Он отрицает возможность писать одинаково понятно для всех современников (“*yedermann gefelligs*”), считая различия письменных узусов позитивными и приемлемыми: “*lobliche sonderungen*” [N.W. – S.350].

Н.фон Виле, авторитет которого был значительным, являлся сторонником равноправия и традиционности ТВЛЯ (*guoter landes deutsch, unsers landes tütsche*), отвергая явления надрегиональной унификации даже канцелярского языка как ненужную новацию: “*vnnütze enderung ..., dar mit wir loblich gesündert wauren von den gezüngen aller vmgelegten landen*” [5. S.1732]. Инорегиональные новации он оценивает как вычурные явления: “*heben yetz etlich schriber an flemisch⁴ dar für zescriben.*” Аналогична его позиция в отношении поэтического языка: “*Es syen dan’ dar vnder viererlay oder fünfer sprachen vermischet, das jch nit ruem: noch seer schilt aber doch grosserm lobe gib, sich in gedicht guoter lands tütsch zierlich zegebruchen.*” [A.G. – S.117; 4. S.73].

Как наиболее разительное отличие узуса крайнего юго-запада, современниками, в частности, литераторами начала XVI века, отмечались свн. монофтонги /i:/ /u:/ /ü:/. В полемических диалогах Реформации новационные рвнв. дифтонги иногда назывались “вюртембергскими гласными” [3. S.179].

Фонетико-орфографические особенности швабского и швейцарского субареалов наиболее детально разграничивает в своем учебном пособии упомянутый базельский учитель и литератор-протестант Иоганн Кольрос („*Enchiridion*“, 1530 г., Базель): различение дифтонгов и графем [ai]=<au>/[ei]=<eu>, отсутствие/наличие монофтонгов /i:/ /u:/ /ü:/. Последнее он считает важнейшим идентифицирующим критерием: „*Darumb ichs eim yeden heym stell /syner spraach nach die selbigen [sc. Diphthonge!] zuosetzen vnd schryben.*” В швейцарском узусе он отмечает сохранение дифтонгов /ie/ и /ei/, а также /ou/ по сравнению со швабским /au/, но при этом достаточно толерантно, в отличие от Н.фон Виле, замечая: “*Was eim yeden zuo*

⁴ Здесь: „mit feiner Sitte und Bildung“ [M.L. - S.290].

siner spraach dienstlich, welle er annemen.” [9. S.133]. Свн. узкие дифтонги И.Кольрос определяет как “неполные” (“nit volkummen“) и рекомендует для них надбуквенные написания.

Данные второго типа (контрастивный подход) относятся к ситуации XVI века, в частности, к переизданиям в Швейцарии в 1520-е гг. первых частей переводов библии Лютера, сигнализируя лексические различия. Так, печатник А.Петри, а за ним Т.Вольф публиковали в Базеле в 1523 году глоссарии непонятных местному читателю инорегиональных слов, снабжая их алеманскими синонимами. При этом А.Петри, как и страсбургские печатники (В.Рихель), исходит, как отмечалось, из более “нейтрального” понятия „*unser hoch deutsch/unsere spraach*“ [4. S.74]. О лексических отличиях швабского узуса (*Suevi interiores*), а также о наличии формы причастия II *gsyn* и монофтонгов пишет и местный гуманист В.Лациус (“*De gentium aliquot migrationibus ... ac dialectis*“, Базель, 1557 г.) [10. S.87].

Но наибольшую ценность имеют сведения, приводимые Конрадом Геснером в латинском лингвистическом трактате „*Mithridates, De differentiis linguarum*“ (Цюрих, 1555 г., глава „*De lingua Germanica*“). Сравнивая швейцарский (а) и швабский (б) узусы, он иллюстрирует их различия списком из 25 позиций (словарные и формальные альтернации), важнейшими из которых, по мнению С.Зондерэггера, являются:

- монофтонги /i:/ /u:/ /ü:/ (а) - дифтонги /ei/ /au/ /eu/ (б);
- узкий дифтонг /ei/ (а) - широкий дифтонг /ai/ (б);
- аффриката /kh/ в начальной позиции (а) - начальный /k/ (б);
- стяжение артикля (s’huß, d’frow) (а) – полная форма артикля (das huß, die frow) (б);
- синкопа в префиксе *ge-* формы Part. II (*gessen, gangen*) (а) – отсутствие синкопы (*gegessen, gegangen*) (б);
- некоторые лексические различия (гетеронимы) [12. S.93].

Г.Трюмпи также отмечает в “списке Геснера” как швейцарские грамматические изоглоссы единую глагольную форму мн. числа – *nd*, форму причастия II *gsyn*, лексемы *Kilch* (Kirche) и *nüt* (nicht). Но, по его мнению, некоторые зафиксированные явления ограничены ареалом Цюриха и являются рефлексамии диалектно-разговорной речи: стяжения глагольных форм типа *wott<wolt* и *treit<trägt*, переход /a/>/ä/ в инфинитивных формах *sägen, läben* и др. [10. S.17].

Поэтому вряд ли можно рассматривать очерк К.Геснера как первую попытку систематизировать отличительные признаки языка

Швейцарии, а именно областного варианта литературного языка. По мнению М.Петерса, Геснера интересует, в первую очередь, своеобразии субстанции диалекта и устной речи. Он отмечает, например, интерферирующие рвнв. дифтонги даже в речи современников на латыни: *veinum* <*vinum*, *ausus* <*usus* [13. S.38-39; 14. С.208]. Впрочем, швейцарский гуманист констатирует и черты местной письменной традиции, например, графическое изображение /i:/ как <ij>/<y>/<ii>. Геснер считал „lingua Helvetica“ не особым, отдельным языком, а диалектом немецкого языка.

Другие, менее значимые источники рассматриваемого типа также относятся к швейцарскому ареалу и фиксируют как основную особенность его узуса сохранение старых свн. монофтонгов и узкий дифтонг /ei/. Это упомянутая тенденциозная патриотическая „Vralt warhafftig Alpisch Rhaetia“ (Базель, 1538 г.) историографа Эгидия Чуди⁵ и „Teutsches Syllabienbüchlein“ шульмейстера Себастьяна Гельбера (Фрейбург в Швейцарии, 1593 г.). Э.Чуди обозначает дифтонгированные формы как неестественно избыточные: „Die Germanier vnd schwabenland sagend viel überfluß der buochstaben in tütscher spraach, dann [...] die Helvetier. Der Helueter tütsch gebrecht weniger...“ [10. S.85]. С.Гельбер подчеркивает сохранение дифтонга /ie/ в швейцарском узусе: „das i. vor dem e. behalt ouch oft sin stimm.“

Данные третьей группы сконцентрированы в сочинениях историка И.Вадиана и его последователей (М.Гольдаст и др.) и связаны с обнаружением в начале XVI века древневерхненемецких текстов в Сент Галлене, которые отражали, по мнению гуманистов, „altschweizerische Sprache“. При этом Вадиан не придерживался „гельветической теории“ Чуди, считая швейцарцев и швабов „ein vermengt volk“ [10. S.87]. Речь здесь идет по-прежнему об исторической устойчивости старых алеманских монофтонгов [12. S.53].

Подводя итог, С.Зондерэггер полагает, что все эти „метаязыковые данные“ не дают целостной картины юго-западных (как, впрочем, и швейцарских!) особенностей письменно-языкового узуса XV - XVI вв., а скорее констатируют его реальную открытость и интерферированность инорегиональными влияниями (Mischsprachformigkeit) [12. S.24-25]. Это отличало юго-западный

⁵ Под влиянием швейцарского гуманиста Глауреана Э.Чуди развивал идею исконного родства германо-швейцарцев и романских народностей как обоснование тезиса об этноязыковом единстве молодой швейцарской нации, тенденциозно отвергая „алеманское родство“ конфедератов и „имперских“ швабов [9. S.139-140].

ТВЛЯ от более устойчивых территориальных вариантов, например, от нижненемецкого.

Поскольку в ареале юго-запада имел значительное распространение юго-восточный ТВЛЯ („Gemeines Deutsch“), интересна его оценка представителями местной письменно-литературной традиции. Констатируя его стабильно высокий статус на всем немецком юге до 1550-х гг. (Аугсбургский религиозный мир), К.Матайер, однако, отмечает многозначность и лабильность этого понятия у современников: 1) немецкий язык вообще в противовес латыни или иностранным языкам, 2) “простой/понятный язык” в контрасте с вычурными канцелярским слогом и переводческим стилями изложения современников (в первую очередь гуманистов) и 3) престижная наддиалектная форма общенемецкого языка [15. S.42]. Именно оттенки 2-го и 3-го значений (Bedeutungskomplexe), ни одно из которых нельзя признать доминировавшим, чаще реализуются в высказываниях юго-западных авторов, содержащих метаязыковые оценки „Gemeines Deutsch“.

Второе значение характерно, например, для сочинений “младших” гуманистов-литераторов (Л.Юд в Цюрихе, И.Адельфус в Шафгаузене), некоторых первопечатников (Г.Цайнер в Аугсбурге) и авторов пособий (И.Кольрос в Базеле). Третье значение, наиболее актуальное для нашего исследования, имело 3 оттенка: а) верхненемецкий язык в противоположность нижненемецкому, швейцарско-немецкому и нидерландскому (автор одного из первых учебных пособий на родном языке С.Гельбер в Швейцарии) [16. S.57-58], б) надрегиональный язык авторитетных канцелярий, судов, венского и княжеских дворов, в) письменный верхненемецкий язык и “язык печатников”, в частности, с доминантой в Аугсбурге (печатник Отмар в Аугсбурге) [15. S.43-45]. Хронологически актуализацию этих значений можно определить лишь достаточно условно. Например, появление третьего значения в предисловиях и колофонах аугсбургских печатников фиксируется в 1500-1510-е гг. (период зарождения Реформации).

Негативная оценка “Gemeines Deutsch” конфедератами была отнюдь не устойчива. Так, крупнейший цюрихский печатник XVI века К.Фрошауэр называет его в 1526 году “ublendische gemeine spraach“, но в дальнейшем не возвращается к этой оценке. Если в драмах 1520-30-х гг. цвинглианские авторы еще активно пародируют его формы (в основном это рвнн. дифтонгизация), то позднее оценки швейцарских литераторов становятся более нейтральными [9. S.132-133].

Примечательно также, что преобладающей формой при обозначении Германии как лингвокультурного и политического единства в юго-западных источниках, в частности, и у гуманистов и некоторых литераторов (Т.фон Рингольтинген), до 1510-х гг. остается “teutsche lande“, хотя „Deutschland“ широко фиксируется уже в 1496 году [DWB., Bd.2. - S.1054]. В XV веке “Gemeines Deutsch“, имея территориальную основу в культурном пространстве Аугсбург - Нюрнберг без четких политических коннотаций, приобретает стигматизацию “имперского канцелярского” символа политики имперско-австрийской власти. К середине XVI века престижность в регионе соседнего юго-восточного “Gemeines Deutsch“ как “имперского и католического” снижается, но увеличивается престижность территориально отдаленного восточно-средне немецкого ТВЛЯ (“протестантский”, “язык Лютера”).

В целом, имея в виду также и узус юго-западного ТВЛЯ до середины XVI века, следует согласиться с мнением О.Райхмана, что рвнв. период характеризуется в плане языковых оценок современниками - представителями социо-коммуникативных групп, использующих в ситуации диглоссии различные региональные письменные идиомы и их комбинации (Varietätengruppen der Gebildeten), как “лишенный вертикальной доминанты” (“nicht vertikalisiertes Sprachstadium“) [17. S.1625-1626]. Неактивность нормализационных процессов в XV - XVI вв. лишала соответствующего компонента и метаязыковые оценки, делая их “рассеянными” (по О.Райхману – “diffuses Sprachwertsystem“) [18. S.152]. Это делает необходимым корректировку данных метаязыковых оценок и обращение при определении константных признаков юго-западного ТВЛЯ к данным исторической ареальной лингвистики [1. С.66-70].

Библиографический список

1. Дубинин С.И. Немецкий литературный язык позднего средневековья: Юго-западный ареал. Самара, 2000. 200 с.
2. Frühneuhochdeutsche Grammatik / Hrsg. von R.P.Ebert, O.Reichmann, H.J.Solms und K.P.Wegera. Tübingen, 1993. 562 S.
3. Socin A. Schriftsprache und Dialekte im Deutschen nach Zeugnissen alter und neuer Zeit. Heilbronn, 1888. 544 S.
4. Josten D. Sprachvorbild und Sprachnorm im Urteil des 16. und 17. Jahrhunderts. Frankfurt/Main – Bern, 1976. 326 S.

5. Reiffenstein I. Metasprachliche Äußerungen über das Deutsche und seine Subsysteme // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / Hrsg. von W.Besch u.a. Berlin - N.York, 1985. 2 Halbband. S.1727-1750.

6. Sonderegger St. Die Vielschichtigkeit des Sprachbewußtseins in frühneuhochdeutscher Zeit // Das Frühneuhochdeutsche als sprachgeschichtliche Epoche / Hrsg. von W.Hoffmann u.a. Frankfurt/Main, 1999. S.175-208.

7. Möller R. Regionale Schreibsprachen im überregionalen Schriftverkehr. Köln - Wien - Weimar, 1998. 361 S.

8. Reiffenstein I. Landsprache und Mundart // Dialektographie und Dialektologie / Hrsg. von W.Puschke u.a. Marburg, 1989. S.347-352.

9. Haas W. Kurze Geschichte der deutschen Schriftsprache in der Schweiz // Die viersprachige Schweiz / Hrsg. von J.C.Arquist u.a. Zürich - Köln, 1982. S.125-160.

10. Trümpy H. Schweizerdeutsche Sprache und Literatur im 17. und 18. Jahrhundert. Basel, 1955. 390 S.

11. Kluge Fr. Von Luther bis Lessing. Aufsätze und Vorschläge zur Geschichte unserer Schriftsprache. 5. Aufl. Leipzig, 1918. 315 S.

12. Sonderegger St. Frühneuhochdeutsch in der Schweiz // Vielfalt des Deutschen. Festschrift für W.Besch / Hrsg. von K.J.Mattheier u.a. Frankfurt/Main - Berlin, 1993. S.11-36.

13. Peters M. Einleitung // K.Gessners „Mithridates“. Neudruck von 1555. Aalen, 1974. S.7-79.

14. Гухман М.М., Семенюк Н.Н., Бабенко Н.С. История немецкого литературного языка XVI - XVIII вв. М., 1984. 246 с.

15. Mattheier K.J. „Gemeines deutsch“ - ein Sinnbild der sprachlichen Einigung // Begegnungen mit dem „Fremden“. Akten des VIII. Internationalen Germanisten-Kongresses. Tokyo 1990 / Hrsg. von E.Jwasaki. München, 1991. - Bd. 3. S.40-48.

16. Werbow S.N. Das gemeine Teutsch. Ausdruck und Begriff // Zeitschrift für deutsche Philologie. Berlin, 1963. Bd. 82. N 112. S.44-63.

17. Reichmann O. Diagliderung des Frühneuhochdeutschen // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / Hrsg. von W.Besch u.a. 2. Aufl. Berlin - N.York, 2000. 2 Halbband. S.1610-1647.

18. Reichmann O. Sprache ohne Leitvarietät vs. Sprache mit Leitvarietät: ein Schlüssel für die nachmittelalterliche Geschichte des Deutschen? // Deutsche Sprachgeschichte. Festschrift für J.Erben / Hrsg. von W.Besch. Frankfurt/Main, 1990. S.141-158.

Источники и словари

A.G. – Götze A., Volz H. Frühneuhochdeutsches Lesebuch. 5. Aufl. Göttingen, 1967. 172 S.

F.L. – Frühneuhochdeutsches Lesebuch / Hrsg. von O.Reichmann und K.P.Wegera. Tübingen, 1988. 240 S.

N.W. – von Wyle N. Translationen / Hrsg. von A.von Keller. Stuttgart, 1861. 373 S.

DWB. – Deutsches Wörterbuch / Hrsg. von J. und W.Grimm. Leipzig, 1854 1971. Bd. 1-16.

M.L. – Matthias Lexers mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. 36. Aufl. Leipzig, 1980. 504 S.

С.Е. Вадяев*

Электронная лексикография и корпусная лингвистика

Vadjaew S.

Elektronische Lexikographie und Korpuslinguistik

Elektronische Wörterbücher sind in den letzten Jahren zu komplexen lexikographischen Objekten geworden, die ein neues Verfahren bei ihrer Verfassung und Repräsentation benötigen. Insbesondere betrifft das die zweisprachigen Wörterbücher. Mit dem Wechsel des Mediums sind auch die Schranken des „Papierformats“ überwunden. Für die funktionale Erweiterung der Wörterbücher kann ein Parallelkorpus eine bedeutende Rolle spielen, indem es als Sammlung von Belegen für ein Wörterbuch dienen kann. Außerdem kann ein Parallelkorpus in anderen Bereichen benutzt werden, wie z.B. bei der kontrastiven Sprachanalyse oder im Fremdsprachenunterricht.

Термин “электронный словарь” стал уже привычным в современной лексикографии. При этом, атрибут “электронный” так же мало говорит о своем объекте, как и противоположный ему атрибут “бумажный” - о традиционном словаре. Обычно подразумевается, что словарь на компьютере – это введенный в него бумажный словарь, снабженный удобными средствами поиска и отображения лексикографического содержания. То есть, создатели

* С.Е. Вадяев, Самарский государственный университет
© Вадяев С.Е., 2003